

ISSN 1814 - 6961

ОТАН ТАРИХЫ

ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2020, № 2 (90)

2 /2020

Журнал Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Білім және ғылым саласындағы бақылау комитетінің (ҚР БҒМ БҒБК) ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін ұсынылатын басылымдар тізіміне кіреді.

Бас редакторы:

Зиябек Қабылдинов

Редакциялық алқа:

Абдрахманов Толобек Абылович, т.ғ.д., профессор, И. Арабаев атындағы Қырғыз мемлекеттік университетінің ректоры (Қырғызстан)

Акинер Ширин, т.ғ.д., Лондон университетінің профессоры (Ұлыбритания)

Асылбекова Жамиля Мәлікқызы т.ғ.д., профессор, Халықаралық бизнес университеті (Қазақстан)

Аяган Бүркітбай Гельманович, т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Мемлекет тарихы институты

Әбусейітова Меруерт Хуатовна, т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Р. Сулейменов атындағы Шығыстану институты «Тарихи материалдарды зерттеу орталығының» директоры, ҰҒА корр.-мүшесі (Қазақстан)

Әлімбаев Нұрсан, т.ғ.к., профессор, ҚР Мемлекеттік музейінің директоры (Қазақстан)

Әжіғали Серік Ескендірұлы, т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Қазақстан)

Буканова Роза Гафаровна, т.ғ.д., профессор, Уфа қаласындағы Башқұр мемлекеттік университеті (Ресей)

Голден Питер Принстон университетінің профессоры (АҚШ)

Жұмағұлов Қалқаман Тұрсынұлы, т.ғ.д., профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Дүние жүзі тарихын зерттеу» орталығының директоры, Германиядағы Геттинген университетінің құрметті профессоры (Қазақстан)

Исмағұлов Оразақ, т.ғ.д., профессор, ҰҒА академигі (Қазақстан)

Көмеков Болат Ешмұхамедұлы, т.ғ.д., профессор, ҰҒА академигі (Қазақстан)

Ламин Владимир Александрович, т.ғ.д., профессор, РҒА корр.-мүшесі, РҒА Сібір бөлімінің Тарих институты (Ресей)

Мансура-Хайдар, профессор (Үндістан)

Масов Рахим Масович, т.ғ.д., профессор, А. Дониш атындағы Тарих, археология және этнография институты (Тәжікстан)

Мұқтар Әбілсейт Қапизұлы, т.ғ.д., профессор, Атырау қаласындағы «Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының директоры (Қазақстан)

Навроцкий Карл, PhD докторы, Гданьск қаласындағы екінші дүниежүзілік соғыс музейінің директоры (Польша)

Осман Мерт, Ататүрк университетінің профессоры (Түркия Республикасы)

Сидхарт С. Саксена, Кембридж университетінің профессоры (Ұлыбритания)

Сон Ен Хун, Хангук шет тілдер университетінің профессоры (Оңтүстік Корея)

Сыдықов Ерлан Бәтташұлы, т.ғ.д., профессор, Л. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры (Қазақстан)

Якуб Алексей Валерьевич, т.ғ.д., профессор, Ф.М. Достоевский атындағы Омск мемлекеттік университет (Россия)

Редакционная коллегия журнала

Абдрахманов Толобек Абылович, д.и.н., профессор, ректор Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева (Кыргызстан)

Әбусейітова Меруерт Хуатовна, д.и.н., профессор, член корр. НАН РК, директор центра «Исследование исторических материалов» института Востоковедения имени Р. Сулейменова Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Казахстан)

Акинер Ширин, д.и.н., профессор Лондонского университета (Великобритания)
Алимбай Нурсан, к.и.н., профессор, директор Государственного музея Республики Казахстан(Казахстан)

Ажигали Серик Ескендирович, д.и.н., профессор, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Казахстан)

Асылбекова Жамиля Маликовна, д.и.н., профессор, Университет международного бизнеса (Казахстан)

Аяган Буркитбай Гельманович, д.и.н., профессор, Институт истории государства Министерства образования и науки Республики Казахстан Комитет науки

Буканова Роза Гафаровна, д.и.н., профессор Башкирского государственного университета г. Уфа (Россия)

Голден Питер, профессор Принстонского университета (США)

Жумагулов Калкаман Турсынович, д.и.н., профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, директор «Центра по изучению Всемирной истории», Почетный профессор Геттингенского университета в Германии (Казахстан)

Исмагулов Оразак, д.и.н., профессор, академик НАН РК (Казахстан)

Кумеков Болат Еимухамедович, д.и.н., профессор, академик НАН РК (Казахстан)

Ламин Владимир Александрович, д.и.н., профессор, член корр. РАН, директор Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Мансура-Хайдар, профессор (Индия)

Масов Рахим Масович, д.и.н., профессор институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша (Таджикистан)

Муктар Абилсейт Капизулы, д.и.н., профессор, директор государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайшық» в городе Атырау (Казахстан)

Навроцкий Карл, доктор PhD, директор музея Второй мировой войны в г. Гданьск (Польша)

Осман Мерт, профессор Ататюркского университета (Турция)

Сидхарт С. Саксена, профессор Кембриджского университета (Великобритания)

Сон Ен Хун, профессор университета иностранных языков Хангук (Южная Корея)

Сыдыков Ерлан Батташевич, д.и.н., профессор, ректор Евразийского национального университета имени Л.Гумилева. (Казахстан)

Якуб Алексей Валерьевич, д.и.н., профессор, ректор Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского(Россия)

Editorial Board of the Journal

Abdrahmanov Tolobek Abylovich Doctor of Historical Sciences, professor, Rector at the I. Arabayev State university (Kyrgyzstan)

Abuseitova Meruert Huatovna, Doctor of History, professor, Corresponding Member NAS RK, director of the Center for the Study of Historical Materials at the Institute of Oriental Studies named after R. Suleimenov of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee (Kyrgyzstan)

Akiner Shirin, Doctor of Historical Sciences, Professor of London University (Great Britain)

Alimbai Nursan, Doctor of History, professor, Director of the State Museum Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Asylbekova Zhamilya Malikovna Doctor of Historical Sciences, professor at University of International Business, Almaty (Kazakhstan)

Ayagan Burkitbai Gelmanovich, Doctor of History, Professor, Institute of State History of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee

Azhigali Serik Eskendirovich, Doctor of History, professor, C.C. Valikhanov Institute of History and Ethnology. Science Committee Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Bukanova Roza Gafarovna Doctor of Historical Sciences, professor at Bashkir state university. Ufa (Russia)

Golden Peter, a professor at Princeton University (USA)
Zhumagulov Kalkaman Tursynuly, Doctor of Historical Sciences, Academician, professor of Al-Farabi Kazakh National University, Director of the Research Center on World History Studies, Emeritus Professor of German Gottingen University (Kazakhstan)
Ismagulov Orazak, Doctor of Historical Sciences, professor. Academician of National Academy of Sciences (Kazakhstan)
Kumekov Bolat Yeshmukhameduly, Doctor of Historical Sciences, professor, Academician of National Academy of Sciences (Kazakhstan)
Lamin Vladimir Alexandrovich, Doctor of History, professor, Corresponding Member. RAS, director of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Россия)
Mansura-Haydar, professor, (India)
Masov Rakhim Masovich, Macov Paxim Macovuch, Doctor of Historical Sciences, professor A Donish Institute of History, archeology and Ethnography (Tajikistan)
Muktar Abilseit Kapizuly, Doctor of Historical Sciences, professor, Director of the State Historical and Cultural Museum-Reserve "Sarayshyk" in Atyrau (Kazakhstan)
Navrocki Karl PhD, Second world war museum director in Gdansk (Poland)
Osman Mert, professor of the Atatürk University (Turkey)
Sidhart S. Saxena, professor at Cambridge University (Great Britain)
Son Yong Hong, a professor of the Hanguk University of Foreign Languages (South Korea)
Sydykov Erlan Battashevich, Doctor of Historical Sciences, professor, Rector of the L. Gumilev Eurasian National University (Kazakhstan)
Jakub Aleksei Valerievich, Doctor of Historical Sciences, professor, Rector of the Omsk state university named after Dostoevski F.M. (Russia)

Жауапты редактор:
Айжамал Құдайбергенова

Редактор:
Бота Жүнісова

Компьютерде өңдеуші және дизайнер:
Венера Зикирбаева

Редакцияның мекен-жайы:
050100, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ., Шевченко көшесі, 28,
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,
«Отан тарихы» журналының редакциясы
Телефон: +7 (727) 272-46-54
E-mail: Otanhistory@gmail.com
Электрондық мекен-жай:
<http://infohistory.info>

Журнал 1998 жылдан бастап шығады.
Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде 1998 ж.
9 наурызда тіркеліп, N 158-ж кәулігіне ие болды.
Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да
көшірмелерге түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

**ЖАҢА ЗАМАН ТАРИХЫ
НОВАЯ ИСТОРИЯ
NEW HISTORY**

МРНТИ 03.20.00

**ЖУЗОВАЯ СТРУКТУРА КАЗАХОВ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ**

Оразбаева Алтайы Иранбекқызы

Д.и.н., профессор, Казахстанский филиал МГУ имени М.В.Ломоносова,
Казахстан, г. Нур-Султан, E-mail: ai351957@mail.ru

Аннотация. Отточенная веками универсальная матрица, уникальная по сути, совершенная система казахских жузов несмотря на воздействие исторических эпох как неизменный констант социокультурного кода нации по сей день продолжают играть исключительную роль в идентификации казахского социума в плане как наличия общности этнического самосознания в целом, так и самоидентификации членов этого социума с определенными родоплеменными единицами в частности. Казахские жузы – своеобразный природный институт - инструмент сохранения баланса и стабильности традиционного казахского общества, олицетворение единства и целостности, гармонии и процветания Қазақ Елі.

Ключевые слова: жузы, матрица, констант, социокультурный код, тернарная структура, социум, идентификация, нация.

ҒТАХР 03.20.00

**ҚАЗАҚТЫҢ ЖҮЗДІК ҚҰРЫЛЫМЫ ӘЛЕУМЕТТІК
МӘДЕНИ ҰЛТТЫҚ КОД РЕТІНДЕ**

Оразбаева Алтайы Иранбекқызы

Т.ғ.д., М.В.Ломоносов атындағы ММУ Қазақстандық филиалының
профессоры, Қазақтан, Нұр-Сұлтан қ. E-mail: ai351957@mail.ru

Түйіндеме. Қазақтың жүздер жүйесі талай ғасыр ұштауы мен тарихи дәуірлер сынағына төтеп беріп, бүтіндей бір ұлт әлеуметтікмәдени кодының әмбебапты қалпы, теңдесіз де мәнді, тұғырлы тұрақтылық константы ретінде осы уақытқа дейін қазақ социумының этникалық сана-сезім сәйкестілігін айқындауда аса маңызды роль атқарып келеді.

Қазақ жүздері - дәстүрлі қазақ қоғамындағы теңдік пен тұрақтылық сақтаудың табиғи институт-құралы, Қазақ Елінің бірлігі мен тұтастығы, үйлестілігі мен гүлденісінің кейіптемесі іспеттес.

Кілт сөздер: жүздер, матрица, констант, әлеуметтікмәдени код, тернарлы құрылым, социум, идентификация, ұлт.

IRSTI 03.20.00

**ZHUZ STRUCTURE OF KAZAKHS
AS A SOCIO-CULTURAL CODE OF THE NATION**

Orazbayeva Altaiy Iranbekkyzy

Dr. of Historical Sciences, professor Kazakhstan branch of Moscow State University
named after Lomonosov M.V. Kazakhstan, Nur-Sultan E-mail: ai351957@mail.ru

Abstract. The unique universal matrix honed for centuries, a perfect system of Kazakh zhuzes (tribes) - despite the impact of historical eras the socio-cultural code of the nation to this day continues to play an exceptional role in identifying the Kazakh society. In terms of

both the presence of a community of ethnic identity as a whole and the identity of members of this society with certain tribal units in particular.

Kazakh zhuzes - a kind of natural institution-a tool to preserve the balance and stability of traditional Kazakh society, the personification of unity and integrity, harmony, and prosperity of Kazakh El.

Key words: zhuzes, matrix, constants, socio-cultural code, ternar structure, society, identification, nation.

Введение. Казахские жузы – конституциональная по значимости, уникальная по сути, универсальная матрица (от лат. «matrix» – источник, начало) архитектуры государственности на территории Казахстана, своеобразный природный институт – инструмент сохранения баланса и стабильности традиционного казахского общества, олицетворение единства и целостности, гармонии и процветания Қазақ Елі.

Жузы играли и продолжают играть исключительную роль в идентификации казахского социума в плане как наличия общности этнического самосознания в целом, так и самоидентификации членов этого социума с определенными родоплеменными единицами, в частности. Троиединство и тернарность мировоззренческого восприятия мира ранних кочевников Евразии сыграло колоссальное системообразующее и ценностно-символическое значение в сложении идеологии национальной государственности казахов. Жузы как исторический феномен и по сей день сохраняют свое влияние, прежде всего, как социальный, культурный и духовный тренажер – «тарих шыңдаған ұштаған» – синкретическое явление, суть которого заключается в принципиальной сочетаемости, соединяемости разнородных начал, отражающих разные стороны общественного бытия, в тоже время дополняющих друг друга с точки зрения функционирования социума как целостного организма.

Ощутимая девальвация социокультурных ориентиров в период турбулентности глобального климата все больше обостряет в нас некое состояние «кризиса идентичности». И потому переживающий на себе воздействие данного состояния будь то отдельно взятый человек, общество либо государство, вынуждены выработать определенный иммунитет на провокации изменяющейся на их глазах картины мира.

Отсюда и возрастающий интерес к ценностям и традициям, к историческому прошлому, частое обращение к проблемам культурно-генетического кода нации, направленность стратегии современных мультикультурных обществ на сохранение самоидентичности, наряду с активным участием в Диалоге культур в поисках контактных зон для различных форм взаимодействий.

Роль, место и значение этнокультурных особенностей, хотя и принципиально меняется, вовсе не исчезает из области сознания и бытия, поскольку они (в данном случае, родоплеменные и жузовые механизмы) более архаичны, ригидны, консервативны и поэтому более устойчивы. И воспроизводство этносоциальной специфики происходит, безусловно, в разных сферах жизнедеятельности социума по-разному. Если оно существенно ограничено в сфере общественного воспроизводства, то совсем не изжито из области норм традиционных семейно-родственных отношений. В этом смысле социальная самоидентификация личности и родоплеменная и жузовая идентификация коллективной общности – весьма важный, самое главное, духовно осязаемый регулятор современного общежития казахского народа и его национальной государственности.

Материалы и методы. В настоящей статье предпринята попытка феноменологического анализа теоретико-методологических проблем генезиса и эволюции казахских жузов.

Предметное изучение и социальная диагностика жузовой структуры усложняется тем, что происхождение данного статуса весьма мифологизировано, история разделения казахов на три жуза, точнее сказать, процесс слияния различных родов и племен в составе трех жузов не зафиксирован ни в средневековых хрониках, ни в источниках иного рода. Поэтому исследователи проблем трайбализма вынуждены обращаться к образцам устной историологии и фольклористики в надежде найти хоть какую-нибудь «зацепку».

Феноменологический анализ разбираемого института предоставляет огромные возможности для комплексного исследования территориально-географических, социально-экономических, военно-потестарных и административно-политических аспектов жузовой системы казахов, выступавшей природным инструментом сохранения баланса и стабильности традиционного казахского общества.

Обсуждение. В мифологии восточных и западных народов можно встретить немало вариаций тернарной (от лат. «ternarius» – тройной) структуры стран и народов. По «Шах-наме» («Книга царей») Фирдоуси (величайший поэт средневековья, живший около 934–1020/1030) – древнеиранского эпоса периода династии Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.), состоящего из пятидесяти пяти тысячи бейтов (двустийший), над которым автор работал в течение тридцати пяти лет, у царя Фаридуна было три сына: Салме, возглавивший Рум, то есть западные страны, Тур, получивший Туран (Центральная Азия) и Ирадж, ставший царем Ирана (Сказания из «Шах-наме», 1989:48). В легенде о происхождении народов Великой Скифии, изложенной Геродотом, их предками названы три сына Таргита – сына Зевса и дочери реки Борисфен: Липоксай, Арпоксай и Колаксай (Скифы, 1992:47).

Но миф это одно, но факты, как известно – вещь упрямая. Деление одной этнической общности на структурные единицы типа жузов имело место еще у других народов. К примеру, древнегреческие филы и древнеримские трибы. Фила (от греч. «phyle») – племя, род, вид) в Древней Греции, в частности Аттике (юго-восточный регион Центральной Греции) – это родоплеменное объединение или же община, со временем трансформировавшаяся в территориальные округа. Первоначально родовые филы делились на три фратрии со своими жрецами и воинским подразделением во главе с филархом (Словарь античности, 1989:606). А древнеримское триба (от лат. «tribuo» делю, разделяю) означало племя. Согласно некоторым источникам, население древнего Рима состояло из трех триб: рамнов (латинян), тициев (сабинян) и луцеров (этрусков). Первоначально в каждую трибу входило 100, затем – 300 родов. Эти три трибы составляли целостный римский народ (Словарь античности, 1989:456).

Тем не менее, в ярко выраженном виде и вплоть до настоящего времени тройственное деление одного народа при этнической слитности и национальной единственности сохранилось только у казахов, что само по себе является феноменом.

Суждения и мнения на заданную тему насчитывают великое множество интерпретаций этого явления, что предполагает соположение как данных шежире и устной историологии, так и научные изыскания исследователей и ученых. Устная историология казахов включает порядка восьми – десяти вариантов происхождения жузов. Так, в одном из них говорится, что при избрании Чингиза ханом на белой кошме было распределение кличей и родовых знаков между племенами, а биями их были избраны: из Старшего жуза – Майкы, Младшего жуза – Сенкел. Это XIII век. В другом сказании повествуется следующее: приютившие сына племенной девушки три бия – Майкы, Котан и Когам отправили его в степь, дав ему по сто нукеров. Мальчика звали Алаш, отсюда и три жуза. С учетом того что, Майкы би был современником Чингиз хана, а Котан жырау жил в XV в., выходит, что оно отражает период с XIII по XV в. В следующем предании говорится, что Хакназар хан, зависевший от Ногай хана, отделился и разделил свой улус между тремя своими сыновьями. С тех пор пошло деление на жузы. По времени это событие можно отнести к XVI в. Таким образом, определить время и условия появления жузов, основываясь только на легендах, представляется невозможным. Но даже если и не брать во внимание информацию из устной историологии, среди ученых и исследователей также существуют разночтения и трактовки по поводу причин и периода образования жузов.

Ш. Уалиханов считал, что в период начала распада Золотой Орды, для того чтобы оставить за собой территории своих кочевий, казахи создали такие большие союзы (Из истории казахов, 1991:10–11). Тогда как по утверждениям В.В. Вельяминова-Зернова, основанным на легендах и шежире, казахские жузы образовались лишь в XV–XVI вв. (Вельяминов-Зернов, 1846:382–383). Надо сказать, в последующем эту же версию будут разделять и отечественные ученые (Востров, Муканов, 1968:157). Известный знаток в области истории и этнографии казахского народа А. И. Левшин

пишет: «Сколь ни были различны поколения, составившие нынешние киргиз-казахские орды, но они все, наконец, слились в один народ, живший в одном месте и имевший общего начальника, или повелителя. Язык, религия, образ жизни, нравы служат тому доказательством. Предания говорят то же и прибавляют, что народ сей после смерти одного из единственных своих ханов был разделен его сыновьями на три части, которые по старшинству новых повелителей получили название Большой, Средней и Меньшей, что счастье и несчастье в войнах произвели неравенство в числе сих орд, и что каждая из них, постепенно умножаясь, подразделилась на несколько поколений, принявших имена начальников своих или сохранивших названия древних предков, как сделали найманы, кипчаки и проч. От поколений произошли роды, от родов – отделения, отрасли отделений и части отраслей» (Левшин, 1996:288–289). Содержание приводимой цитаты указывает на такие немаловажные детали: во-первых, речь здесь идет не о разделении одного народа на три союза, а об объединении трех частей в единое целое; во-вторых, четко акцентирует внимание на слитность этих частей в отношении языка, религии и социальной составляющей; в-третьих, конкретизирует порядок иерархичной последовательности жузов по линии «старший – младший».

Академик В.В. Бартольд связывал возникновение жузов с климатическими и географическими факторами, которые позволяли казахам отдаленных от центра регионов сохранить культурно-хозяйственные особенности (Бартольд, 1964:22). Аналогичного мнения придерживался и М. П. Вяткин, который наряду с природно-географическим учитывал также влияние и политического фактора (Вяткин, 1941:99). Он считает, что обособленные жузы в XVI в. сформировались как политические союзы, в то время как по предположениям М. Тынышпаева разделение казахского народа на жузы произошло во время монгольского нашествия, т. е. в XIII веке (Тынышпаев, 1993:150). По утверждениям Х. Адильгереева и С. Аманжолова, разделение на жузы имело место в XIII веке (Адильгереев, 1951:85-86; Аманжолов, 1959:112–113). Известный востоковед Т.И. Султанов, указывая на скудность достоверных фактов о происхождении жузов, полагает, что во второй половине XVI в. система улусов трансформировалась в жузы (Султанов, 2001:228).

Нередко разделение на жузы рассматривается с точки зрения персонализации исторического факта. Например, Курбангали Халид утверждает, что сын Узбек хана Джанибек разделил «кочевых мусульман» на Старший, Средний и Младший жузы, откуда берет свое начало разделение на жузы (Халид, 2006:210–211). А по Шакариму Кудайбердыұлы, деление на жузы идет с тех пор, как Ахмет хан (1496–1504 гг.) разделил свои войска на три крыла (Кудайбердіұлы, 2006:45–46). По версии же А. Коңыратпаева, разделение племен на жузы имело место лишь при Тауке хане, преследовавшем цель построить единое централизованное государство (Қоңыратбаев, 1991:138).

Большинство ученых склонялись к мысли о том, что разгадку казахского жуза следует искать в тех триальных системах, которые реально существовали в далеком прошлом у саков, хуннов и в Тюркском каганате. Такое разделение одного этноса на три субэтнические части диктовалось сперва военной стратегией и тактикой, требованием той эпохи, когда мир держался на «острие меча», а затем уже и характером административного управления в этих государствах, которые строились по схеме правое крыло (западная – т. к. ориентация тогда была южная), левое крыло (восточное) и центр. Отсюда вытекает немаловажный военно-потестарный и потестарно-политический фактор разделения на субрегионы. Известно, что саки (VIII–V вв. до н. э.) делились на три крупных племенных объединения (саки-хаумоварга, саки-тиграхауда и саки-парадарийя). Хунну (V вв. до н. э. – II в. н. э.) также состояли их трех знатнейших родов: хуянь, лянью, сюйбу (Гумилев, 1993:60). Согласно китайским источникам, в Западнотюркском каганате в VII веке существовали три союза: южный – «старые земли уйсун», т. е. Семиречье (по-китайски «Да тхинь»); центральный – Центральный Казахстан, окрестности Балхашского («Нань-тхинь») и северные области каганата («Вэй-тхинь») (Кюннер, 1961:192). Данную гипотезу может укрепить высказывание видного казахского филолога С. Аманжолова: «Три союза (жузовых) начали образовываться в период Тюркского каганатства, следовательно, три

территориальных диалекта казахов оформились в связи с образованием трех жузов» (Аманжолов, 1959:192).

О тернарной структуре Западного Тюркского каганата свидетельствуют и памятники истории Уйгурского каганата, возникшие в VIII в. на месте Восточного Тюркского каганата и просуществовавшие около века. Дело в том, что в памятниках орхонской письменности «Мойын-Чор» и «Тариат» наряду с карлуками, киргизами, кытанами, огузами и тюркешами отдельно упоминается «трехзнаменный тюркский народ» (Айдаров, 1990). Авторское мнение по данному факту было изложено впервые еще в начале 90-х гг. (Оразбаева, 1992).

Улуг Улус также состоял из трех крыльев и вполне логичным представляется, что в ходе дальнейшей эволюции ко времени появления уже Казахского ханства данная тернарная конфигурация одной этнической общности превратилась в механизм саморегуляции экономической, социальной и политической жизнедеятельности общества. Что же касается непосредственно исторических источников, то в восточных хрониках первые сведения о жузах начинают появляться в середине XVII в. Махмуд бен Вали пишет, что после смерти хана Шайбани его сын Бахадур «начинает руководить этой страной и улусами... для зимовок и своих джайлауов он выбрал Белую Орду, которая еще известна как «Йуз Орда» (Материалы, 1969:347). В то же время, по словам Т. Султанова, имя одного из жузов в русских источниках впервые встречается в 1616 году как «Казачья Большая орда» и было зафиксировано в «Распросных речах в посольском приказе служилых людей Т. Петрова и Н. Куницына о поездке в Калмыцкую землю». Все это еще без учета более *достоверной информации о наличии всех трех жузов в 30-х годах XVIII в., который выдает русский дипломатический представитель тюркского происхождения М. Тевкелев* (Русско-казахские отношения, 1961:62,107).

Помимо всего, существуют расхождения и во мнениях исследователей касательно этимологии самого понятия «жүз». Курбангали Халид и ряд других ученых значение слова «жүз» ищут в арабском языке, интерпретируя его как «часть», «отделение». Другие усматривают в этом термине определенное указание на число – «сто», «сотня». М. Тынышпаев считает, что «жүз» происходит от старинного тюркского слова «доз», т. е. «крепость». Среди огромного количества имеющихся версий наиболее подходящим, на наш взгляд, приходится вариант о том, что «жүз» означает «часть», «сторона», «направление», а в основе его образования лежит «объединение отдельных родов и племен в союзы» (История Казахской ССР, 1957:148–149). В этом смысле «жүз» аналогично значению «улус» в эпоху Йеке Монгол улуса. В любом случае, нельзя не согласиться с достаточно аргументированным мнением, что процесс образования «...казахской народности и жузов является звеном одной цепи, единым процессом. Разрывать эти тесно связанные друг с другом явления... было бы неправильным» (Востров, Муканов, 2006:32-39). Касаясь проблемы жузов, нельзя оставлять без внимания устную историологию и «шежіре» (как было уже отмечено, генеалогическую родословную, существующих у всех тюркских народов, в том числе, и у казахов), согласно которому испокон веков казахи должны были знать свою родословную по мужской линии и вербально идентифицировались до седьмого колена... (Гродеков, 1889:27). При этом надо отметить, что мифические варианты гласят, что первоначально казахов является Алаш или же Алаша, у которого было три сына: Ақарыс, Жанарыс, Бекарыс, ставшие прародителями трех жузов соответственно. По другой вариации шежіре родоначальниками трех жузов являются Ақкелімбет, Сарыкелімбет и Қаракелімбет. Однако, нельзя забывать о наличии реальных генеалогий казахских родов и племен, изучением которых занимались К. Халид, Ш. Уалиханов, М. Шорманулы, Н. Аристов, А. Чулочников, А. Левшин, В. Вельяминов-Зернов, А. Кунанбаев, Ш. Кудайбердыулы, М. Ж. Копейулы, А. Букейханов, С. Сейфуллин, В. Востров, М. Муканов, Т. Султанов и многие другие.

Результаты. Сообразно всех их данным, в особенности информации авторитетного в этой области ученого М. Муканова, в прошлом, да и в последующем территориальная дислокация и племенной состав казахов жузов представлялись в нижеследующем виде:

Ұлы жүз, занимавший территорию предгорья Джунгаского Алатау, земли к югу от

озера Балхаш (Семиречье) и далее на юго-запад от левобережья реки Чу до верховья Сырдарьи («прекрасные пастбища, и места зимовок... альпийские горные и равнинные пастбища... климат без резких колебаний температур в дневное и ночное время...») состояли из жалайыр, ошақты, қаңлы, дулат, суан, албан, уйсін, шапырашты, ысты, сіргелі, шанышқылы.

Орта жүз простирался с юга по линии хребта Тарбагатай – озера Балхаш – верховья реки Сарысу – горы Каратау и на север до Южно-Сибирской равнины. На западе ее границы проходили по верховьям реки Тургай – до реки Убаган, а на востоке – начиная от Южного Алтая, хребта Саур и Зайсанской котловины, шла по правобережью Иртышской долины («...территория включала в себя прекрасные пастбища, защищенные от ветров места зимовок. Полноводные реки Иртыш, Ишим... озера Зайсан, Маркаколь, система озер Кокшетау, равнинные и предгорные пастбища...»). В него входили шесть крупных племен «алты арыс» (на рус. звучит: «шесть молодцов»): арғын, найман, кыпшак, конырат, керей и уак.

Кіші жүз начинался на юге от бассейна Сырдарьи – плато Устюрт – восточного побережья Каспия, простирался на севере, захватывая бассейны рек Урала, Иргиза, Эмбы, Тобола и многочисленных речушек и степных озер («богатые травами пастбища по Уралу, Тоболу и почти безводное плато Устюрт, полноводная Сырдарья и пески Каракумов и Кызылкумов... климат в этой части Казахстана резко континентальный, с большими перепадами температуры...»). Этот жүз состоял из трех крупных племенных объединений: әлімұлы, байұлы и жетіру (Муканов, 1991:5–6). Если следовать традиции Марата Сабитовича, то в настоящее время территория Ұлы жүз охватывает современные Алматинскую, Жамбылскую области и южные районы Южного Казахстана. Орта жүз соответствует современным Карагандинской, Акмолинской, Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Павлодарской и части Кустанайской области. Кіші жүз – это Кызылординская (западная часть), Актюбинская, Западно-Казахстанская, Мангистауская и Кустанайская (часть) области.

В исторической литературе нередко приводится статистика по поводу численности родов и племен, входящих в жузы. По отдельным подсчетам ученых, на рубеже XVII–XVIII вв. в состав всех жузов входило 112 племен, родов и подродов. Но к концу XX в. количество только племен и родов достигло 159, и они распределялись следующим образом: Старший жүз – 11 племен, 54 рода; Средний жүз – 6 племен, 60 родов; Младший жүз – 3 племен и 25 родов (Феномен, 1987:24). Касательно численности самих жузов, располагаем данными о том, что в начале XX в. Средний жүз был самым многочисленным (1 млн. 500 тыс.) по сравнению с Младшим (1 млн. 200 тыс.) и Старшим (600 тыс.) жузами. Это при «общей численности казахского этноса в пределах современной территории Казахстана... 3 млн. 639 748 чел. ...» (Казахи, 1995:12-20). Необходимо при этом учитывать, что малочисленность Старшего жуза к этому времени объясняется периодом и последствиями казахско-джунгарских войн, а также геоэкономическими и географическими факторами. Помимо этого, налицо были и внутренние противоречия, имевшие место в влествие разногласий между потомками «төре».

В казахском шежіре жузы находят отождествление с основными и главными племенами: «Ұлы жүз – Үйсін», «Орта жүз – Арғын» и «Кіші жүз – Алшын», имеющими социально-статусное содержание. Существует также образно-символическое призвание каждого из жузов, вполне и обоснованно оправдывающее гипотезу об эколого-экономической обусловленности жузов в зависимости от основной хозяйственно специализации регионов Казахстана: «Ұлы жүзді қолына қауға беріп малға қой» (удел Старшего жуза – скот и хозяйство); «Орта жүзді қолына қамшы беріп дауға қой» (удел Среднего жуза – суд и судебный порядок); «Кіші жүзді қолына найза беріп жауға қой» (удел Младшего жуза – копье и защита от внешних врагов).

Бытует легенда об Алаше, объясняющая происхождение жузов, которую приводит Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы, хотя он сам предупреждает, что «за достоверность ее отвечать не может». Однажды у могущественного и пребывающего в славе хана родился пегий (ала) сын. Придворные увидели в этом плохое предзнаменование и посоветовали хану отослать пегого сына подальше от себя в далекие края. Вскоре

хан и его окружение забыли о нем. Шло время. Мальчик, названный Алашем, стал знаменитым батыром. Весть об Алаше дошла до хана. Он отправляет к батыру сотню воинов, чтобы разузнать все о нем, но сотня не возвращается. Через некоторое время хан посылает вторую сотню, но и она не вернулась. Не вернулась и третья сотня. Пришедшие к Алашу три сотни (жүз – сотня) впоследствии составили основу трех казахских жузов. А Алаш после смерти отца стал ханом (Көпейұлы, 2006:89, 84–87). Схожее изложение данной легенды можно найти также и у других авторов (Халид, 2006:9–12). Поддача нами содержания легенды в полном объеме вызвана с намерением заострить внимание читателей на интересной аппарации (явлении), касающемся структуры казахов.

Дело в том, что у Мәшһүр Жүсіп, наизусть знавшего легенды и предания Степи, правые обычаи древних и обычное право казахов, образцы мудрой словесности и решения биев, ритуалы и обряды, шежіре и родословные, подобно Абау и Шакариму, можно встретить и такое изречение:

«Алаш Алаш болғанда,
Алаша хан болғанда,
Үйіміз ағаш, ұранымыз алаш большты».

Боевой клич, как и племенные и родовые тамги, хотя и имеет древнетюркские корни, свою наиболее развитую форму и символическое содержание получил только у казахов. Как известно из страниц всемирной истории, древним грекам приписывается крик «Алале!» (по звуку крика совы), древним евреям – «Ахарай!» («За мной»), сарматам – «Марай!» («Убей»), византийцам – «Нобискум Деус!» («Бог с нами»), древним тюркам – «Көк бөрі!» («Сивый волк»). Самым узнаваемым в этом ряду является, пожалуй, русский клич, в котором, несомненно, присутствует тюркский корень – «Ура!» («Үр» – «бей»), чем и объясняется, собственно, значение казахского слова «Үран».

Важно также, что еще в «Бабыр-наме», написанном правнуком в пятом поколении Великого Тимура Захир ад-Дин Мухаммед Бабуром, основателем Великой Могольской империи в Индии, отмечается: «Хан и те, кто стоял подле него, тоже повернули лица к стягу и плеснули на него кумыса. И тут же заревели медные трубы, забили барабаны, а выстроившиеся в ряд воины стали громко повторять боевой клич. От всего этого вокруг поднялся невообразимый шум, который вскорости затих. Все это повторилось трижды, после чего предводители вскочили на своих коней и трижды объехали стан...».

У каждого казахского рода и племени был свой ұран, служивший своеобразной матрицей социальной и военно-политической идентификацией члена сообщества. В этой связи Құрбанғали Халид пишет, что «у казахов слово «уран» применяется в целях сбора, поднятия духа» (Халид, 2006:9–12). Занимательно, что именно имя легендарного Алаша (Алаш хана), о котором повествовалось выше, и становится общезначимым боевым кличем всех казахов – «Алаш!» Вот как высказывается по этому поводу лидер национального движения, ученый и просветитель начала XX века Алихан Букейханов: «...Ни один из этих родов не отказывается от подчинения, кроме своего родового частного «урана» (боевой клич), общенародному «алаш», обязывающему каждого киргиза беспрекословно идти на помощь обиженному собрату, забывая даже междоусобицы и хотя бы в виду сильного неприятеля и неминуемой от него смерти. Эта-то своеобразная и интересная жизнь киргизов отразилась, как в зеркале, в их разнообразной и богатой устной поэзии. Многие из этих произведений носят на себе следы глубокой древности и печать отдаленного прошлого жизни, быта и верований киргизов» (Бөкейхан, 1995:319).

М.Ж. Көпейұлы указывает на то, что все три жуза также имели собственные боевые кличи: «Үлы жүз ұраны – «Бақтияр», Орта жүз ұраны – «Ақжол», Кіші жүз ұраны – «Алдияр» и дальше по нисходящей линии ураны племен и родов, что подтверждается и сведениями М. Тынышпаева (Тынышпаев, 1993:105–108). Кстати, төре и қожа, не входившие в жузы (к этому вопросу мы еще вернемся) тоже имели свои ураны: первый – «Арқар», а второй – «Қожахмет». Сунақ, также не состоявший в жузовой конфигурации казахов, имел одинаковый с қожа уран, но не имел тамги.

Тюркское слово «тамга», видоизменившееся в казахское «таңба», имеет значения «метка», «печать», «клеймо», «родовой знак». Оно известно всем народам мира, начиная с древности и заканчивая современностью. Ее прототипами могло быть всё из того, что связано со зрительными ассоциациями человека – предметы и вещи с геометрическими фигурами (круг, квадрат, треугольник), сакральные пиктограммы, связанные с животным миром, орудиями труда и вооружением, простейшие алфавитные буквы. Что удивительно, академик В. Радлов указывал, что 29 из 38 знаков тюрко-орхонского алфавита сходны с существующими родовыми тамгами казахов или близки к ним (Аристов, 2005:50). Каждое племя и род казахов могли иметь не одну тамгу, а в большинстве случаев по несколько. Однако стоит заметить, что при наличии общенародного уран – «Алаш» отсутствовала общезнаковая тамга.

Казахские тамги в своем идеологическом и практическом совершенстве несли двойную социально-символическую нагрузку. С одной стороны, они служили как родовой и племенной знак принадлежности, с другой – как «логотип», закрепляющий право собственности на что-либо.

Письменно это нигде не зафиксировано, но опять же по преданиям казахские родовые и племенные тамги были учреждены Тәуке ханом в соответствии с одним из пунктов упомянутого выше «Жеті Жарғы», хотя их следы можно найти в глубокой древности тюркских народов. Первые сведения о тамгах, высеченных на скалах вдоль реки Сарысу Центрального Казахстана, были найдены еще в 1927 году (Кузнецов, 1927:1–3). Кстати, во многих казахских шежіре встречается утверждение о том, что на просторах Бетпақдала в местности «Таңбалы шұбар» есть выбитые на скале «таңба». В случае спора по поводу принадлежности «таңба» к тому или иному роду все обращаются к этой скале, знаки на коей сделаны еще во времена Алаш хана.

Опираясь на материалы М. Тынышпаева, всего у казахских племен и родов мы насчитали 96 тамги, хотя отдельного внимания требует к себе статус рода «жетіру», входящего в состав Младшего жуза на правах крупного племенного объединения. По устным преданиям, в свое время семь родов в виду их слабости и малочисленности не вошли в состав жузов. Озадаченный и обеспокоенный данным обстоятельством Тауке хан принял решение об их объединении в одно племя, несмотря на отсутствие родственных связей между ними. Отсюда и закрепляется за ними название «жетіру», то есть «семь родов».

С родами Младшего жуза связан еще один знаменательный памятник, свидетельствующий о временах социально-политических потрясений вследствие джунгарской агрессии. Знаменитый лиро-героический эпос казахов «Қыз Жібек», который изобилует эпизодами, где во всей этнографической красе представлены жузовые и родоплеменные интриги, повествующие как раз о чрезмерных амбициях, беспочвенных разногласиях и конфликтах родоправителей «жағалбайлы» и «шекті», жертвами которых стали идеалы любви, мира, патриотизма и отваги.

Как верно подметил А. Букейханов, ураны и тамги, как идеологическое и ценностно-символическое основание жизнедеятельности кочевого общества казахов, во многом должны быть «благодарны» степным сказителям и импровизаторам – «жырау», воспевавшим героические страницы прошлого. К примеру, легендарный Асан Қайғы в укор ханам Керею и Жанибеку за их единоличное принятие решения об откочевке без согласования и одобрения на то предводителей родов и племен, обращается к ним:

«С Жем-реки откочевал...

Ойыл славен красотой,

Можно там затеять той,

Ойыл светел как слеза,

Но тебя понять нельзя,

Там совет ты не собрал...

На Едиль, к реке далекой,

В тесноту привел не к сроку...

Здесь ты не собрал совет...» (Озера степные, 1994:63–64).

Стоит заострить здесь внимание и на явно прослеживающейся взаимосвязи

и созвучии в подаче, стиле, мотивах, темпераменте пламенных речей жырау вне зависимости от их эпох. Будь то Асан Қайғы, позже Жиёмбет, Үмбетей, далее Махамбет... Такова Степная традиция!

Например, слово «Алаш» мы встречаем у Шалкиіз жырау (1465–1560 гг.): «Алаштан байтақ озбаса, арабыдан атты сайлап мінбен-ді!», далее у Жиёмбет жырау (середина XVI – начало XVII вв.), который, обращаясь к хану Еңсегей бойлы Ер Есім, восклицал:

«Ты распоясался, о хан...
Не нравятся дела твои...
Я в сторону Сары-Арки
Уйду туда, где спит Алаш,
Великий и славный предок наш... (Озера степные, 1994:144).

Схожие строки мы наблюдаем далее у Үмбетей жырау (1706–1778), который, сообщая о смерти батыра Богенбая Абылай хану, напоминает ему эпизод его же героического поступка, когда он в ходе битвы «Аңырақай» бросил боевой клич, поднявший боевой дух казахских войск:

«Все узнали: ты – батыр!
Ты был молод, горяча
В твоих жилах кровь была,
Ты в сражениях кричал,
Нападал: «Абылай! Абылай!»...

Заключение. Таким образом, подытоживая весь спектр мнений, рассуждений и трактовок, позволительно сделать вывод о том, что феномен жузов обусловлен несколькими факторами этноисторического характера формирования собственно казахского народа и его национальной государственности.

Во-первых, процесс образования казахских жузов сопровождался чрезвычайно сильной опосредованностью географической и природно-экологической средой, которая если не полностью определяла, то в значительной степени «направляла» траекторию формирования тернарной этноструктуры казахов. Ведь территория Казахстана издревле состоит из трех реальных природно-ландшафтных зон: Западный и Северо-Западный Казахстан – пустынный, низменно-степной; Северный и Центральный Казахстан – степной, пастбищеобильный, горный; Южный и Юго-Восточный Казахстан – речно-озерный, пастбищеобильный, горный (Чупахин, 1968:11-12).

Соответственно зонам «с точки зрения условий для пастбищно-кочевого хозяйства имелись три естественных» области: западная часть – кочевое животноводство и земледелие (территория Младшего жуза); средняя – кочевое скотоводство, и, наконец, восточная – земледелие и полукочевое скотоводство (Старший жуз) (Асфендияров, 1993: 101; Вяткин, 1941:99). Для каждого племени, и внутри них для каждого рода существовали исторически и экологически сложившиеся пути кочевков и территории сезонных пастбищ, основанные на сезонно-циклическом чередовании: кыстау (зимовка) – көктеу (весенние пастбища) – жайлау (летовка) – күзеу (осенние пастбища).

Во-вторых, в происхождении тернарной конфигурации казахов играли весьма значимую роль, в том числе политические и правовые традиции, установки и предписания, касающиеся территориально-административной и местной управленческой модели «на основе определенной общественной потребности в регулировании межродовых контактов, служа... средствами разрешения социальных и политических конфликтов» (Сыздыкова, Койгельдиев, 1991:45). К тому же огромные территории, слабость центральной власти, ее относительная отдаленность от большинства регионов диктовали необходимость промежуточных звеньев структуры власти, которые бы «регулюровались традиционными линиями происхождения, и это помогало обходиться без споров» (Тернбул, 1981:236).

В-третьих, характер реального функционирования родоплеменных, и, следовательно, жузовых отношений менялись в зависимости от внешних условий. Как уже нами было отмечено в предыдущих главах, в относительно стабильные периоды значительно ослабевали организационные связи внутри племен и родов, возрастало

значение территориальных связей. Соответственно, ослабевали общегосударственные институты власти и управления. Текущие вопросы решались наиболее влиятельными лидерами родов и племен при участии глав соответствующих низовых подразделений. Тогда как в периоды военных конфликтов и войн, роды, племена и жузы легко трансформировались: политические интересы выступали уже на первый план, а хозяйственно-экономические, в том числе межродовые и межплеменные столкновения сходили на нет. Единство целей способствовало объединению родов, племен и консолидации всего кочевого организма. Появлялись относительно централизованная власть и аппарат управления, которые более четко и эффективно распоряжались людскими и материальными ресурсами. Стало быть историческая функция жузов заключалась и в том, чтобы поддержать разумный баланс между родоплеменными институтами и государственной организацией общества (Аристов, 1989:69–70).

В-четвертых, казахские жузы имеют ярко выраженный этносоциальный статус (от лат. «statuo» – постановляю) в том смысле, что социум состоял из иерархически организованных отделений, подродов, родов, племен и, наконец, племенного союза, то есть жуза, тесно взаимосвязанных между собой традицией генеалогического верховенства и принципа эндогамии. Об этом свидетельствуют и записи генерала И. Бларамберга, посетившего территорию Казахстана в середине XIX в.: «...старейшим по первородству родоначальника всего, им везде и во всяком случае оказываются предпочтение» (Масанов, 1995:147). Ш. Уалиханов тоже отмечает, что порядок и процедура разделения родов и племен обуславливает собой право старшинства и силу племени, что и выражается правом физического первородства предка, имея большое значение (Валиханов, 1961). Подобное старшинство между жузами распределялось по принципу «прямой линии», то есть за самым «младшим» племенем Старшего жуза следовал самый «старший» род Среднего жуза и так далее.

В-пятых, жузы играли и до сих пор продолжают играть исключительную роль в идентификации казахского социума в плане как наличия общности этнического самосознания в целом, так и самоидентификации членов этого социума с определенными родоплеменными единицами в частности. Как справедливо отмечал ныне покойный Нурболат Масанов, информация, знания, собственность, власть и ресурсы передавались по генеалогическим каналам родства, в зависимости от происхождения, человек включался в определенную родоплеменную группу (Масанов, 1995:147–148). От принадлежности к ней зависели порядок старшинства при разделе военной добычи, распределения мест во время застолья, наследования власти, социальный статус, престиж и авторитет, даже очередность поднесения подарков.

В-шестых, жузы в казахском социуме отождествлялись лишь с родами и племенами, оставляя за рамками представителей «ак-сүйек», то есть аристократии – «төре» (прямых потомков Чингиз хана) и «кожа» (ведущих свое происхождение от арабских миссионеров ислама), что прямо указывает на их условную «иностранность» по отношению к исконным родам и племенам казахов. В жузы не входили также «сунак» (Ержанов, 1996:17) (потомки Хусам-ад-Дин аль Сыгнаки, жившего в 1132–1199 гг., известного богослова и ученого, главного имама при Ходже Ахмете Яссауи) и «төлөнгіт» (ханская гвардия, телохранители, в последующем и придворная прислуга в основном из калмыков, джунгар, башкир и др.). Дело в том, что они не должны быть связаны родственными узами с входящими в жузы племенами в целях обеспечения и соблюдения нейтральности ханской власти в их внутренних конфликтах (Зобнин, 2006: 38–40).

И наконец, в-седьмых, необходимо особо отметить идеологическую составляющую жузов как механизма сохранения исторической памяти, средство объяснения, аргументаций, интерпретаций, институционализаций и регламентаций процессов мобилизации и консолидации социума. Ярким проявлением этого служит казахская традиция «шежіре», которая обусловлена системой и характером жизнедеятельности и жизнеобеспечения, со структурами родовой власти и управления, необходимостью сохранения и трансляции исторического опыта культурных ценностей.

Триединство и тернарность мировоззренческого восприятия мира ранних кочевников сыграли колоссальное системообразующее и ценностно-символическое

значение в сложении идеологии национальной государственности казахов. В совокупности всех перечисленных факторов жузы как исторический феномен и по сей день сохраняют свое влияние, прежде всего, как социальный, культурный и духовный треножник – «тарих шыңдаған ұштаған» и поистине являются олицетворением единства и целостности Қазақ Елі.

Литература:

- Айдильгереев Х. К истории образования казахского народа // Вестн. АН Каз ССР, 1951. №1. (70).
- Айдаров Ф. Орхон ескерткіштерінің тексті. Алматы. Ғылым, 1990. 220 б.
- Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. 452 с.
- Асфендияров С. История Казахстана с древнейших времен. Алма-Ата, 1993. 304 с.
- Аристов Н.А. Этногенез и этническая история казахов. Павлодар: ЭКО, 2005. 372 с.
- Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, Часть 2. М.: Наука, 1964. 661 с.
- Бөкейхан Ә. Таңдамалы. Избранное. Алматы. Қазақ энциклопедиясы, 1995. 478 б.
- Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие. Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 1. Алматы. 1985. 416 с.
- Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб, 1846. 498 с.
- Востров В. В. Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX). Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР», 1968. 255 с.
- Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.) Павлодар: Эко, 2006. 422 с.
- Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. С древнейших времен до 1870 года. М.: Госполитиздат, 1941. 367 с.
- Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889. 544 с.
- Гумилев Л.Н. Хунны. Степная трилогия. СПб: «Тайм-Аут-Компас», 1993. 224 с.
- Ержанов Ж.Е. Сунақтар және Сунақ қаласы. Алматы. Ғылым, 1996. 216 б.
- Зобнин Ф.К. Рабы и тюленгуты в казахской степи. Павлодар: «ЭКО» ФӨФ, 2006. 280 с.
- Из истории казахов. Алматы. Жалын, 1991. 448 с.
- История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. 272 с.
- Казахи. Алматы. Казахстан, 1995. С. 12-20.
- Көпейұлы М.Ж. Қазақ шежіресі. Павлодар: «ЭКО» ФӨФ, 2006. 220 б.
- Кузнецов А. О надписи на камне Тамгалы-Тас в пустыне Бетпак-Дала Атбасарского уезда Акмолинской губернии // Записки Семипалатинского отдела Географического общества. Вып. XVI, 1927. С. 1-3. Рис.5.
- Кюннер И.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 351 с.
- Құдайбердіұлы Ш.К. Түрік, қырғыз-қазақ һәм ханлар шежіресі. Павлодар: Эко, 2006. 270 б.
- Қоңыратбаев Ә., Қоңыратбаев Т. Көне мәдениет жазбалары. Алматы. Қазақ университеті, 1991. 398 б.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (Под общей редакцией академика М.К. Козыбаева). Алматы. Санат, 1996. 656 с.
- Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества. Алматы. «Социнвест». М., «Горизонт», 1995. 320 с.
- Марков Г.Е. Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989. С.54-75.
- Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алматы. Наука, 1969. 651 б.
- Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII - XX веков. Алма-Ата: Казахстан, 1991. 64 с.
- Озера степные / Пер. с каз. О.К.Жанайдарова. Алматы. Ғылым, 1994. 50 с.
- Оразбаева А.И. Тарих шыңдаған ұштаған // Зерде, 1992. №11. С. 19-21.
- Русско-казахские отношения в XVI-XVIII веках (Сборник документов и материалов). Алма-Ата: АН КазССР, 1961. 743 с.
- Сказания из «Шахнаме». Душанбе: Адиб, 1989. 388 с.
- Скифы: Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1992. 303 с.
- Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
- Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз хана. Алматы. Дайк-Пресс,

2001. 276 с.

Сыздыкова Р., Койгелдиев М. Қадырғали би Косымұлы және оның жылнамалар жинағы. Алматы. 1991. 272 б.

Тынышпаев М. История Казахского народа. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. 224 с.

Тернбул К.М. Человек в Африке. М.: Наука, 1981. 252 с.

Феномен родо-племенных и жузовых ценностей в казахском обществе (аналитический доклад ИРК из личного архива)». Алматы. 1997. 24 с.

Халид Қ. Тауарих хамса (Бес тарих). Павлодар: Эко, 2006. 282 б.

Чупахин В.Ф. Физическая география Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1968. 182 с.

References:

Adilgerreyev Kh. To the history of formation of Kazakh nation/ News Un.KazSSR, 1951. №1. (70).

Aydarov G. Text of Orkhon Monuments. Almaty: Science, 1990. 220 p.

Amanzholov S. Questions of dialectology and history of the Kazakh language. Alma-Ata, 1959. 452 p.

Asfendiyarov S. History of Kazakhstan since ancient times. Alma-Ata, 1993. P. 304.

Aristov N.A. Ethnogenesis and ethnic history of Kazakhs. Pavlodar: EKO, 2005, p.372.

Bartold V.V. Compositions. V. II, Part 2. M.: Nauka, 1964. 661 p.

Bokeikhan A. Optional. Favorites. Almaty: Kazakh encyclopedia, 1995. 478 p.

Valikhanov C.Ch. Kyrgyz genealogy. Sobr. Op. in 5 volumes. V.1. Almaty. 1985. 416 p.

Velyaminov-Zernov V.V. The study of the Kasimov kings and princes. Part 2. St. Petersburg, 1846. 498 p.

Vostrov V.V. Mukanov M.S. Tribal composition and resettlement of Kazakhs (late XIX - early XX). Alma-Ata: Publishing House "Science" of the Kazakh SSR, 1968. 255 p.

Vostrov V.V., Mukanov M.S. Tribal composition and resettlement of Kazakhs (end of XIX - beginning of XX century.) Pavlodar: Eco, 2006. 422 p.

Vyatkin M.P. Essays on the history of the Kazakh SSR. V.1. From ancient times until 1870. M.: Gospolitizdat, 1941. 367 p.

Grodekov N.I. Kirghiz and Karakirgiz of the Syr-Darya region. V.I. Legal life. Tashkent, 1889. 544 p.

Gumilev L.N. Huns. Steppe trilogy. St. Petersburg: "Time-Out-Compass", 1993. 222 p.

Yerzhanov Zh.Ye. Sunaks and the city of Sunak. Almaty: Science, 1996. 216 p.

Zobnin F.K. Slaves and seals in the Kazakh steppe. Pavlodar: Scientific and Production Foundation "ECO", 2006. 280 p.

From the history of the Kazakhs. Almaty: Zhalyn, 1991. 448 p.

History of the Kazakh SSR. Alma-Ata, 1957. 272 p.

Kazakhs. Almaty: Kazakhstan, 1995.

Kopeyuly M.Zh. Kazakh chronicle. Pavlodar: Scientific and Production Foundation "ECO", 2006. 220 p.

Kuznetsov A. On the inscriptions on the stone Tamgaly-Tas in the desert Betpak-Dala of Atbasarsky district of Akmola province // Notes of the Semipalatinsk branch of the Geographical Society. XVI, 1927. P.1-3. Fig.5.

Kuner I.V. Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East. - M.: Publishing House of Oriental Literature, 1961. 351 p.

Kudaiberdiuly Sh.K. Turkish, Kyrgyz-Kazakh and chronicles of khans. Pavlodar: Eco, 2006. 270 p.

Konyratbaev A., Konyratbaev T. Ancient cultural records. Almaty: Kazakh University, 1991. 398 p.

Levshin A.I. Description of the Kyrgyz-Cossacks, or Kyrgyz-Kaisats, hordes and steppes (Under the general edition of academician MK Kozybaeva). Almaty: Sanat, 1996. 656 p.

Masanov N. Ye. Nomadic civilization of the Kazakhs: the basis of the vitality of nomadic society. Almaty: Socinvest. M., Horizon, 1995. 320 p.

Markov G.Ye. Theoretical problems of nomadism in Soviet ethnographic literature // Historiography of ethnographic studies of the peoples of the USSR and foreign countries. M., 1989. P.54-75.

Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV-XVIII centuries. Extracts from Persian and Turkish essays. Almaty: Nauka, 1969. 651 p.

Mukanov M.S. Ethnic territory of the Kazakhs in the XVIII - XX centuries. Alma-Ata: Kazakhstan, 1991. 64 p.

Lake steppe / Translated from kazakh Zhanaidarova O.K. Almaty: Science, 1994. 50 p.

Orazbayeva A.I. History became tougher // Zerde, 1992. №11. - C. 19-21.

Russian-Kazakh relations in the XVI-XVIII centuries (Collection of documents and materials).

- Alma-Ata: AN KazSSR, 1961. 743 p.
Tales from "Shahnameh. Dushanbe: Adib, 1989. 388 p.
Scythians: Reader. M.: Higher School, 1992. 303 p.
Dictionary of antiquity. M.: Progress, 1989. 704 p.
Sulyak S.G. Ethno-Demographic processes in Bessarabia in the XIX - beginning of the XX centuries. Rusin. International historical magazine, 2012, Nr 1 (27), pp. 6-26.
Sultanov T.I. Raised on a white koshme. Descendants of Genghis Khan. Almaty: Dyke Press, 2001. 276 p.
Syzykova R., Koigeldiev M. Kadyrgali bi Kosymuly and his collection of annals. Almaty. 1991. 272 p.
Tynyshpaev M. History of the Kazakh people. Alma-Ata: Kazakh University, 1993. 224 p.
Turnbull K.M. Man in Africa. M.: Nauka, 1981. 252 p.
The phenomenon of tribal and zhuzov values in the Kazakh society (analytical report of the IRC from the personal archive). Almaty. 1997. 24 p.
Khalid K. Commodity (Five plantings). Pavlodar: Eco, 2006. 282 p.
Chupahin V.F. Physical geography of Kazakhstan. Alma-Ata: School, 1968. 182 p.

МРНТИ: 03.20.00

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В МЛАДШЕМ ЖУЗЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII - НАЧАЛО XIX ВВ.)

Шотанова Галия Айтжановна¹, Ужкенов Ернар Муратович²

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. Казахстан, г. Алматы. E-mail: galia8.09@mail.ru

² кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. Казахстан, г. Алматы. E-mail: e81g@mail.ru

Аннотация. Тесные контакты с Россией и соседство с кочевыми народами привели к неизбежному процессу вхождения Казахского ханства в состав Российской Империи. Это событие стало переломным в истории казахской государственности.

Сама историография эпохи вхождения казахских степей в Российскую империю, а также периода их колонизации весьма обширна, а ее содержание и выводы довольно противоречивы. При изучении данного вопроса необходимо учитывать, что политическая нестабильность и кризис в традиционном казахском обществе, были следствием не только колониальной экспансии, но и общим кризисом кочевого мира.

В статье рассматриваются основные причины вызвавшие политический кризис в Младшем жузе, а также вопрос вхождения Казахстана в состав Российской империи. Уделяется внимание роли Абулхаир-хана в попытках разрешения политической ситуации в казахских степях, а также желанию отстоять и вернуть исконные земли казахских кочевий.

Ключевые слова: Младший жуз, политическая власть, феодальная знать, Абулхаир-хан, калмыки, джунгары, казахи, казахская степь, вассалитет.

Данный материал подготовлен в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Казахское ханство: от принятия подданства до ликвидации государственности (XVIII – XIX вв.)» по научно-технической программе BR05233709 «История и культура Великой степи».

ҒТАХР 03.20.00

КІШІ ЖҮЗДЕГІ ШКІ САЯСИ ДАҒДАРЫСТЫҢ КЕЙБІР ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ (XVIII-тің екінші жартысы - XIX ғасырдың бастауы)

Шотанова Галия Айтжанқызы¹, Ужкенов Ернар Мұратұлы²

¹тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері. Қазақстан, Алматы қ.

Электрондық пошта: galia8.09@mail.ru

Мазмұны
Содержание
Contents

ДЕРЕКТАНУ ЖӘНЕ ТАРИХНАМА
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
SOURCE STUDING AND HISTORIOGRAPHY

Кузембаев Н.Е.
УЧЕНЫЙ ЕВРАЗИЙСКОГО МАСШТАБА: К 80-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
КАЗАХСТАНСКОГО ВОСТОКОВЕДА Б.Е. КУМЕКОВА.....5

Игибаев С.К., Құдайбергелулы Б.
ДАХШЛЕЙГЕР Г.Ф., ВКЛАД В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ
И В РАЗВИТИИ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА.....15

Kalybekova M.Sh.
HISTORY OF KAZAKHSTAN ACCORDING TO POLISH ARCHIVES.....28

Жамолова Д.М.
ВЗГЛЯДЫ ТУРКЕСТАНСКИХ И БУХАРСКИХ ДЖАДИДОВ
О ТРАДИЦИОННОЙ И НОВОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ.....39

ҰЛЫ АБАЙДЫҢ 175 ЖЫЛДЫҚ МЕРЕЙТОЙЫ
175 ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО АБАЯ
GREAT ABAY'S 175th ANNIVERSARY

Абуев К.К., Шарипова А.Б., Осипова Ж. К.
ИЗВЕСТНЫЕ КОКШЕТАУЦЫ О ВЕЛИКОМ АБАЕ.....50

ТАРИХ ЖӘНЕ ТҮЛҒА
ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ
HISTORY AND PERSONALITY

Тайман С.Т.
ТҮРКІСТАНДАҒЫ БАСМАШЫЛАР ҚОЗҒАЛЫСЫ
ЖӘНЕ МҮСТАФА ШОҚАЙ.....62

Кабдушев Б.Ж., Құдайбергелулы Б.
НЫҒМЕТ НҮРМАҚОВТЫҢ МЕМЛЕКЕТ ҚАЙРАТКЕРІ
РЕТІНДЕ ҚАЛЫПТАСУЫ.....72

ЖАҢА ЗАМАН ТАРИХЫ
НОВАЯ ИСТОРИЯ
NEW HISTORY

Оразбаева А.И.
ЖУЗОВАЯ СТРУКТУРА КАЗАХОВ КАК
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ.....84

Шотанова Г.А., Ужкенов Е.М.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА
В МЛАДШЕМ ЖУЗЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII - НАЧАЛО XIX ВВ.).....96

Капаева А.Т.
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЦЕНАТСТВА В КАЗАХСТАНЕ.....107

**КЕҢЕС ДӘУІРІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫ
ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
KAZAKHSTAN HISTORY IN SOVIET PERIOD**

Шілдебай С.Қ.
КЕҢЕС ОДАҒЫНДАҒЫ ИНДУСТРИАЛАНДЫРУ САЯСАТЫНА
ҮЛТ ҚАЙРАТКЕРЛЕРІНІҢ ҚАРСЫЛЫҒЫ.....122

**ЭТНОЛОГИЯ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ETHNOLOGY AND ARCHEOLOGY**

Матыжанов К.І.
ОТБАСЫЛЫҚ-ҒҰРЫПТЫҚ ФОЛЬКЛОР МЕН
ЭТНОГРАФИЯЛЫҚ МӘЛІМЕТТЕРДІ САЛЫСТЫРА ТАЛДАУ.....136

Тоқтабай А.У., Карамендина М.Ө.
ӨЗБЕКСТАНДАҒЫ ӨКІРЕШ АТА ЕСКЕРТКІШІ СЫР ШЕРТЕДІ.....147

Утубаев Ж.Р., Сүйіндікова М.Қ., Қасенова Ә.Д.
БӘБІШ МОЛА 7 КӨЗЕШІЛЕР ЕЛДІ-МЕКЕНІНДЕГІ
ҚЫШ ЫДЫСТАР.....157

Бекзатқызы И.
АҚМОЛА ОБЛЫСЫ ТОПОНИМДЕРІНІҢ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАНУ
МӘСЕЛЕСІНІҢ ЗЕРТТЕЛУІ.....169

Амаргазиева А.Ж.
НАУАКЕСКЕН, БОЛЫССАЙ ЖӘНЕ ҰЗЫНКҮНГЕЙ
ЖАРТАСТАРЫНДАҒЫ АРҚАР БЕЙНЕСІНІҢ
СЕМАНТИКАЛЫҚ ТҮСІНДІРМЕСІ.....181

Ualtayeva A.S., Zheleznyakov B.A.
THE UPPER LAYERS OF ZHUANTOBE ANCIENT TOWN ACCORDING
TO NUMISMATICS.....190